

В полдень свинцовые тучи нависли так низко, словно плотная серая пленка, лишив Токио последнего глотка воздуха.

— Есть кто-нибудь?! Пожалуйста, отзовитесь!

Проспект, тянувшийся с севера на юг, казался абсолютно вымершим. Сквозь безмолвие донесся торопливый, прерывистый шаг — кто-то бежал, задыхаясь от ужаса.

Из густого тумана выбежала женщина в дорогом меховом манто. Она то и дело спотыкалась на ломающихся каблуках-шпильках, подворачивала ноги, но упрямо неслась вперед. Казалось, за ней по пятам следует сама смерть, и любая заминка будет стоить ей жизни.

Женщина затравленно оглядывалась по сторонам. Двери всех магазинов были распахнуты настежь, вдоль тротуаров ровными рядами застыли автомобили, а на гигантском светодиодном экране торгового центра крутилась реклама осенней коллекции. Ослепительная кинодива беззвучно улыбалась, шевеля губами.

Обычный воскресный пейзаж, вот только на улицах не было ни души. Мертвая тишина. Даже ветер не решался нарушить этот жуткий покой.

— Живые есть?! Пожалуйста, ответьте!

В этом застывшем, зловещем мире страх наконец взял верх, и женщина сорвалась на истошный плач, замедляя бег.

На просторном перекрестке правая шпилька подломилась. Женщина с размаху рухнула на асфальт, ободрав в кровь ладони и колени, и теперь тщетно пыталась подняться.

Пока она беспомощно барахталась на дороге, позади раздались неторопливые, тяжелые шаги. Вслед за ними послышался леденящий душу скрежет волочащегося по металлу железа.

Она вскинула голову, сквозь растрепанные волосы уставившись в пустоту безумным, полным ужаса взглядом. Она лихорадочно озиралась, но из-за пелены тумана не могла разглядеть преследователя. Поддавшись панике, она заскребла руками по асфальту, пытаясь уползти на слабеющих ногах.

— Спасите... Помогите кто-нибудь...

Преследователь не спешил — шагал размеренно, наслаждаясь своей игрой.

Словно подбитая птица, она упрямо ползла вперед. Внезапно всякое движение прекратилось — тяжелая подошва безжалостно придавила ее к земле.

Дрожа всем телом, она отчаянно вцепилась в дорожное покрытие, ломая накладные ногти.

— Пожалуйста... кто-нибудь... спасите...

— «Пожалуйста... кто-нибудь... спасите!» — раздался сверху издевательский писк. Низкий, манерный мужской голос сочился безумным восторгом.

Позади распластанной на асфальте жертвы стоял маленький ребенок в милом хлопковом платьице пастельных тонов. В ладонях он высоко над головой держал тяжелый колун.

— Попалась! Ты проиграла! — произнес малыш грубым, зрелым басом.

Он покачивал топором, целясь то в затылок, то в шею несчастной — совсем как именинник, выбирающий, с какого бока лучше разрезать праздничный торт.

— Господи, спаси и сохрани... — женщина зажмурилась, содрогаясь в предсмертной агонии страха.

Ребенок замер на секунду, а затем его лицо исказилось в жутком оскале:

— Бога нет дома. Сapiенс поиграет с тобой.

Лезвие со свистом опустилось. Темная кровь брызнула на светлую ткань платьица.

Посреди пустого перекрестка в луже крови застыло безжизненное тело. Женщина походила на мертвого ворона, брошенного на мерзлую пашню, а багровая струя медленно растекалась по четырем направлениям улиц.

Малыш разжал пальцы, оставив топор торчать из рассеченного горла. Он весело отряхнул ладошки, спрыгнул со спины покойницы и, взглянув на нависшие над городом свинцовые тучи, расплынулся в улыбке.

— Запуск игры.

31 августа 2022 года, 12:13. Шанхай

Тан Чжи резко открыл глаза — в ушах все еще стоял замогильный шепот: «Запуск игры».

Перед ним рябил жидкокристаллический экран телевизора, транслируя лишь белый шум и тихое шипение статических помех.

— Проснулся? — раздался тихий, бархатистый мужской голос.

Тан Чжи повернул голову, только сейчас осознав, что заснул, привалясь к его плечу.

В залитой ярким светом гостиной юноша потер лицо ладонями, с трудом прогоняя сонную одурь, и негромко спросил:

— Бо Е, сколько я проспал?

Мужчина рядом — Бо Е, его возлюбленный. Они были вместе уже пять лет, четыре из которых провели в разлуке, живя в разных странах. В этом семестре Бо Е наконец приехал в Китай по программе обмена. Тан Чжи надеялся, что их испытание расстоянием подошло к концу, но судьба распорядилась иначе...

Тан Чжи откинулся на спинку дивана и устало прикрыл глаза.

— Такой долгий сон приснился...

— Ты и пятнадцати минут не пролежал, — Бо Е отложил книгу и поднялся, чтобы налить воды.
— И что за сон? Неужто эротический?

—...

Тан Чжи лишь молча сощурился, провожая его взглядом.

Тяжесть, сжимавшая грудь, понемногу отступила. Тан Чжи устроился по-турецки на мягких подушках и посмотрел в панорамное окно.

Небо казалось неестественно белым, будто в небесном своде пробили брешь, сквозь которую хлестали ослепительные потоки света. Из-за этого жуткого сияния невозможно было разглядеть ничего вокруг.

Их квартира находилась на восемнадцатом этаже, но вода поднялась уже до самого подоконника. Время от времени мимо панорамного остекления проплывали обломки городской инфраструктуры. В темно-синей глади отражался соседний небоскреб, объятый пламенем. Здание горело третьи сутки, медленно превращаясь в обугленный скелет из бетона и

арматуры.

Эта сюрреалистическая картина — бушующий океан под боком у пожирающего высоты огня — раз за разом напоминала о том, что прежнего мира больше нет.

— Настоящий ад... — прошептал Тан Чжи.

Вышедший из кухни Бо Е проследил за его взглядом. Поняв, что юноша снова накручивает себя, он подошел к окну и решительным жестом задернул плотные портьеры.

— Посмотри на это с другой стороны: планета разваливается на куски, зато человечеству наконец дали бессрочный отпуск, — он протянул Тан Чжи стакан. — Завтра понедельник, но мне не нужно в офис, а тебе — на пары. Будем и дальше бездельничать вдвоем. Красота же?

— Я бы лучше на учебу пошел... — Тан Чжи недовольно надул губы, принимая стакан. Теплое молоко приятно согревало пальцы, даря иллюзию безопасности. — Тебе правда ничуть не страшно? Пошел седьмой день.

Кошмар начался ровно неделю назад. В то утро Бо Е собирался на работу, но входная дверь просто не поддавалась. Окна тоже оказались намертво заблокированы. Всякая связь с внешним миром оборвалась в одно мгновение. Они очутились в ловушке, отрезанные от реальности, словно запертые в параллельном измерении.

Перепробовав все мыслимые способы выбраться и потерпев неудачу, они смирились и стали ждать. О беге времени им напоминали лишь цифры на электронном табло.

Сквозь стекло они наблюдали, как рушится привычный уклад. В первый день небо затянуло непроглядной мглой. На третий — с востока хлынули колоссальные потоки воды, затапливая мегаполис. К пятому дню исчезли даже птицы. Все происходящее с пугающей точностью повторяло Книгу Бытия. Но если Творцу понадобилось семь дней, чтобы вдохнуть жизнь в этот мир, то неведомая карающая сила использовала то же время, чтобы стереть его с лица земли. Сегодня был седьмой день. Суббота. День покоя.

Бо Е опустился рядом и привычным жестом притянул юношу к себе:

— К чему паника? Я еще на третьи сутки понял, что все это — какая-то мистификация. Если за окном конец света, с чего бы у нас до сих пор исправно работали водопровод и розетки?

Сделав глоток теплого молока, Тан Чжи пробурчал:

— Разумом я это понимаю... но на душе все равно беспокойно.

Бо Е взял его левую ладонь, лениво перебирая тонкие пальцы, а затем наклонился и коснулся губами чувствительной кожи за ухом:

— Кажется, мне нужно срочно тебя отвлечь, чтобы у тебя не осталось времени на глупые мысли.

Тан Чжи прекрасно понял двусмысленный намек. Щеки его мгновенно залила краска, и он усердно принялся пить молоко, делая вид, что ужасно занят.

Их переплетенные пальцы казались удивительно изящными, а безымянные украшали одинаковые платиновые кольца — простые и элегантные. Бо Е задумчиво прокрутил кольцо на руке возлюбленного:

— Жаль только, с церемонией так глупо вышло.

Они планировали расписаться седьмого сентября в Норвегии, но теперь об этом можно было забыть.

— Может, устроим свадьбу прямо сегодня? — предложил Бо Е.

— И как ты это себе представляешь? — Тан Чжи отставил пустой стакан и недоверчиво сощурился.

— Опустим скучную официальную часть и сразу перейдем к первой брачной ночи. Чисто символически.

— Бо Е! — Тан Чжи в шутливом возмущении пихнул его ладонью в лицо.

Но стоило им шутя затеять потасовку на диване, как периферийным зрением Тан Чжи заметил, что лампа в кабинете начала лихорадочно мигать.

— Проводку коротит? — Тан Чжи замер и с недоумением повернулся в сторону полутемного коридора.

Бо Е нехотя убрал руку, пробравшуюся под футболку юноши, и поднялся:

— Пойду проверю.

Поправив свободный ворот домашней одежды, Тан Чжи уставился на экран телевизора — там все так же беззвучно кипел белый шум.

Спустя минуту его охватило смутное беспокойство. Лампа в глубине квартиры продолжала мигать с бешеной скоростью, но из кабинета не доносилось ни звука.

— Бо Е? — позвал он.

Тишина.

Превозмогая липкий страх, Тан Чжи поднялся с дивана и медленно пошел на цыпочках к приоткрытой двери.

— Бо Е, все в порядке?

На пороге кабинета он застыл как вкопанный. В зашторенной комнате свет пульсировал со стробоскопической скоростью, выхватывая из темноты силуэт Бо Е. Тот стоял посреди комнаты совершенно неподвижно. В резких вспышках Тан Чжи успел разглядеть его мертвенно-бледное лицо.

— Бо Е...

Он сделал шаг вперед, но мужчина резко оборвал его:

— Канди, стой на месте! Не подходи!

Свет погас на долю секунды, а когда вспыхнул вновь, комната оказалась пуста.

Сердце Тан Чжи ушло в пятки. Он рванулся в кабинет, но прямо перед его носом тяжелая деревянная дверь с грохотом захлонулась, едва не отдавив пальцы.

— Бо Е! — у Тан Чжи защемило в глазах от подступающих слез, и он отчаянно заколотил кулаками по дереву.

В этот момент все лампы в квартире замигали в унисон. Одновременно с этим Тан Чжи ощутил, как меняется текстура материала под его ладонями.

Когда свет гас, ладони упирались во что-то металлическое и ледяное; стоило ему загореться снова — пальцы вновь ощущали тепло древесины.

Не обращая внимания на эту чертовщину, он изо всех сил дергал дверную ручку:

— Бо Е! Открой! Ты там?!

Стоило крику сорваться с его губ, как мир погрузился в абсолютную, непроглядную тьму. Погасло вообще всё.

В следующий миг зрение вернулось, но Тан Чжи обнаружил, что зажат в крошечном замкнутом пространстве. Это был узкий вертикальный бокс, в котором едва хватало места, чтобы стоять прямо, а о том, чтобы повернуться, не шло и речи.

Задыхаясь от приступа клаустрофобии, он огляделся. Его заточили в матово-белый пенал, напоминающий футуристический гроб. Стены прилегали друг к другу без единого зазора, намертво блокируя пленника.

Тан Чжи робко коснулся преграды перед собой — пальцы обожгло могильным холодом.

Внезапно раздался негромкий щелчок активировавшихся датчиков. Юноша испуганно вжался спиной в заднюю панель. На его глазах белизна стен начала стремительно бледнеть, растворяясь и превращаясь в прозрачное стекло.

Когда преграда стала полностью прозрачной, перед Тан Чжи развернулась картина, заставившая его беззвучно разинуть рот от потрясения.

До самого горизонта простирались бесконечные ряды точно таких же стеклянных капсул, уходящие в непроглядную бездну. Внутри каждого отсека был заперт человек. Все они, как один, были одеты в одинаковые безликие белые робы. Кто-то в ярости колотил кулаками по стеклу, беззвучно выкрикивая проклятия; кто-то забился в угол, содрогаясь от рыданий, размазывая слезы по лицу. Но большинство, подобно Тан Чжи, просто стояли в оцепенении, парализованные страхом и непониманием.

В этот миг человечество напоминало партию дешевых кукол, расставленных на витринах в пластиковых блистерах.

Если бы сторонний наблюдатель мог максимально отдалить взгляд, то увидел бы, как мириады светящихся капсул сливаются в бесконечные потоки программного кода, безостановочно циркулирующие в безграничной цифровой пустоте.

Но если вычленить из этой бесконечной матрицы один-единственный фрагмент, приблизить его, заглянуть сквозь толщу стекла прямо в зрачки запертого там человека...

Там, на самом дне испуганных глаз, можно было отчетливо прочесть лишь одно — первобытный, бездонный ужас.